Ленинград. Театр им. Кирова

...Его преданность тому, чем он занимается,— одна из самых сильных сторон Гергиева. Она сметается в его дирижировании, в котором — вера, напряжение, энергия, что передается и его музыкантам, даже в оркестрах, которые он почти не знает. В своем родном Советском Союзе его считают движущей силой Ленинградского Кировского театра. Официально он — художественный руководитель и главный дирижер, неофициально он — менеджер труппы, администратор, технический директор, посол в другие страны. «Кировский? Кировский? Это Валерий Гергиев»,— эти слова, которые мы слышали не от одного русского, напоминали нам о том, что он потряс «старый порядок» до основания, когда встал у руля в 1988 г.

За советское искусство 1991.—22 окт.

Из зарубежной прессы

Гергиев опровергает это, заявляя, что у него есть команда помощников и он просто делает то, что должен делать. Он говорит: «Моя самая легкая работа в Кировском — дирижировать оркестром. Гораздо сложнее определить политику для театра, знать, как двигаться вперед, к успеху, а не просто говорить и мечтать. И он держит свое слово. В прошлом году он бросил вызов всей советской бюрократии, перенеся постановку «Бориса Годунова» Таркановского из Лондона в Ленинград, показанную в прямой трансляции по телевидению. В июле он произвел еще больший переворот оперой «Война и мир» Прокофьева, поставленной англичанином Грэмом Виком, записанной пятилетнею Би-Би-Си,— международной постановкой, какой еще не знал Советский Союз.

Его самым последним предприятием является перевозка его труппы и целиком одного из спектаклей в Эдинбург, чтобы открыть фестиваль 1991 года оперой «Хованщина» в Плейхаузе. Этот спектакль — часть короткого «сезона Мусоргского и Кировского», представленного, в основном, в концертном исполнении и состоящего из пяти опер и нескольких оркестровых произведений. Только «Хованщина» поставлена на сцене. «Когда мы первый раз обсуждали поездку Кировского театра в Эдинбург, у нас было много идей. Мы хотели опираться на нашу традицию показа русской музыки и играть вещи, которые почти неизвестны. Мы остановились на Мусоргском, гении, чьи неизданные произведения только сейчас начинают исполнять. Люди уже видели «Бориса», поэтому мы решили, что лучше сконцентрироваться на чем-то новом для британской публики. Это — «Хованщина» — старая постановка из другой эпохи, совсем не прогрессивная, в основном, с рисованными декорациями. Но не это главное. Главное — музыка».

Он сравнивает пламенный сюжет оперы с тем, что происходит в Кремле сегодня. «Когда два года назад мы показывали оперу в Москве, присутствовали некоторые наши политики, и они были в шоке, настолько сюжет напоминает Советский Союз сегодня. Он — о расколотом обществе, которое не может решить, вернуться ли ему к старому или стать таким, как другие — другой Америкой, другой Великобританией».

Заявленная задача Гергиева в Кировском — это восстановление произведений великих русских композиторов в репертуаре, так же, как Запад сделал с Верди, Россини, Пуччини.

«Тридцать лет назад ставилось всего несколько опер Верди. Сейчас регулярно выпускаются около двух десятков благодаря их возвращению в Ла Скала и других театрах. Моя задача — сделать то же самое с операми Мусоргского, Прокофьева, Римского-Корсакова. Годами в России мы ставили одни и те же произведения, снова и снова. Была, и все еще существует, ужасная инерция. Сейчас все меняется. Мы хотим поделиться нашими открытиями с остальным миром, приближаясь к нашей «собственной великой традиции».

Происхождением с Кавказа, Гергиев учился в Ленинградской консерватории у великого преподавателя Ильи Мусина, среди учеников которого был и Шон Эдвардс из Великобритании. В 23 года он победил на вожделенном конкурсе дирижеров Герберта фон Караяна в Берлине и вскоре после этого стал работать в Кировском театре, со временем заняв в нем главное место. Он не жалеет о том, что большая часть его профессиональной жизни — а сейчас ему 38 лет — была связана с оперой: «Это было моим уделом. Но я никогда не пожалею об этом. Это самая лучшая школа, самый трудный вид дирижирования. Именно так начинали Тосканини, Караян, Фуртвенглер»

Кировский и Большой всегда ценились за качество своих ансамблей, которые состоят из преданных певцов и музыкантов, знающих, как работать вместе. С недавних пор, однако, с предоставлением в Советском Союзе большей свободы передвижения эта традиция оказалась под угрозой. Многие музыканты уехали на Запад, и Большой оказался сильно обескровленным. Однако Кировский сохранился нетронутым, и в большой степени это заслуга Гергиева. Подобно Саймону Фэттлу в Бирмингеме, Гергиев своей преданностью заслужил ответное чувство своих музыкантов и певцов. Но надолго ли?

«Я слышал, как многие умные люди, кого я уважаю — даже Грэм Вик, когда он был здесь,— говорят, что Кировский — последний в своем роде, что ансамбль умер. Но это не правда, и я буду бороться за его сохранение. Вот почему я так хочу строить планы, ради Кировского, для сохранения наших больших певцов здесь, таких, как Елена Прокина или Гегам Григорян (они пели в «Войне и мире»). Конечно, кто-то уедет петь в Лондон или Даллас, но я уверен, что, участвуя в новых постановках здесь, они привлекут большее внимание, чем на Западе, так что мы должны уверенней ставить новые спектакли, приглашать лучших режиссеров и т. п.»

Он утверждает, что его певцы не будут требовать тех денег, которые они могли бы заработать на Западе. «Я знаю многих певцов, кто не рвется зарабатывать тысячи долларов. Они едут за границу и не спрашивают, заплатят ли им в иностранной валюте. Они все еще живут идеалами искусства и не верят, что деньги — это все. Мы еще не все стали циниками».

Но Горбачев тоже должен понять, что на деньги от контрактов с западными звукозаписывающими и телевизионными компаниями никогда не накормить всю страну, и нет смысла отбирать их у нас. Любая прибыль должна возвращаться коллективу, чтобы мы могли работать, идти вперед, чтобы выжить».

У Гергиева нет желания покинуть Россию. Он живет в Ленинграде в квартире, окна которой выходят на Неву. Это один из самых красивых городов в мире, несмотря на загрязнение, экономические трудности, бюрократические заморочки.

«Но я не хочу все время ездить по миру, видеть жизнь только из окон гостиниц. Я не хочу упиваться аплодисментами от дирижирования в очередной раз Пятой Чайковского или Фантастической симфонией — это надежно, но это не для меня. Конечно, ситуация в Советском Союзе еще не идеальна. Но она не идеальна и в других местах — ни в Америке, ни в Британии».

...«Мы должны поставить все те оперы Прокофьева, которые никогда не ставили — «Игрок», «Обручение в монастыре», «Огненный ангел». Мы не должны идти легким путем, а впереди — Римский-Корсаков...»

(Из беседы **Ф. МЕДДОКЕ** с главным дирижером Кировского театра накануне открытия Эдинбургского фестиваля.

«НИНДЕПЕНДЕНТ», 10 августа 1991 г.)

Славные русские голоса

Нарисованные декорации, дрожащие сопрано, замечательные басы, скудный репертуар русских опер и билеты для туристов и партийных функционеров — вот что думал Запад со времен второй мировой войны о советской опере.

Но все это изменилось с гласностью — до крайней мере, что касается Кировского в Ленинграде и Большого в Москве.

Кировский (или Мариинский, если Ленинград снова станет Санкт-Петербургом), преобразился под влиянием энергии и решимости своего молодого музыкального руководителя Валерия Гергиева, который мог бы с легкостью сделать блестящую карьеру на Западе (у него — главный контракт на записи с фирмой «Филипс»), но он предпринял идее возродить Кировский при помощи западных постановщиков и щедрых договоров о совместных постановках.

Этот процесс начался в прошлом году, когда Кировский перенес «Бориса Годунова» Андрея Тарковского из Королевской Оперы на свою сцену. Затем в прошлом месяце Грэм Вик поставил грандиозную «Войну и мир» Прокофьева, что было первым шагом в совместном проекте с Опера де Бастиль и Королевской Оперой. На очереди — постановка в Кировском Даниэлем Фриманом «Огненного ангела» Прокофьева.

Никто из участников этих совместных постановок не считают их легким делом. Как сказал с умыслом и раздражением один из британских художников, работавших на постановке «Войны и мира», «в Кировском декорации все еще прибивают гвоздями! Но этот проект приносит выгоду не только Кировскому, но и дает Западу доступ к последнему урожаю славных русских голосов, а также возможность изучить русский репертуар».

Эдинбургской публике следует знать, что все, чем дирижирует Гергиев,— необыкновенно интересно, и следует принять с вниманием классическую постановку Кировского оперы «Хованщина» как последнюю из вымирающего вида. Есть также редкая возможность познакомиться с тремя операми Мусоргского — «Женитьба», «Сорочинская ярмарка» и «Саламбо».

ГИЛЛИАН УИДДИКОМБ

(«ОБСЕРВЕР», 11 августа 1991 г.)

* * *

Триумф народа

...Если русскому народу, который является подлинным героем в «Хованщине», так же как и в «Борисе», не всегда дается запоминающаяся музыкальная характеристика, у него есть несколько великолепных моментов. И хор Кировской оперы достигает в каждом из них высокого слитного звучания, даже в постановке Леонида Баратова, которая трактует произведение не иначе, как серию живописных картин.

Как ни странно, именно такие проходные персонажи, как лютеранский пастор и его дочь, придают «Хованщине» главную человеческую окраску, хотя они и приближают характер сцены к вердиевской романтической сфере гораздо сильнее, чем это задумывалось Мусоргским. Но кто является самым великим характером оперы, так это Марфа... и в субботу Ольга Бородина сыграла ее исчерпывающе.

Под руководством Валерия Гергиева весь состав, включая Кировский выразительный оркестр, действуют с большой убедительностью. Декорации Федора Федоровского, тяжелые, нарисованные, долгая смена которых затянула субботний спектакль почти на час; принадлежат к прошедшей эпохе. Но это, как и отвлекающая шумная система, проецирующая в общем-то нужные титры, не снижают того удовольствия, которое доставил нам приезд Гергиева и его прекрасного театра в Эдинбург.

КОНРАД УИЛСОН

(«СКОТСМЭН», 12 августа 1991 г.)

* * *

Россия в тревоге

...Очень соблазнительно было бы предположить, что «Хованщина» и «Борис Годунов» изначально режиссерско-стойкие оперы. Но они настолько пропитаны русской традицией и так тесно связаны со специфическими периодами русской истории, что трудно представить, как бы даже самый своенравный режиссер перенес действие в холл гостиницы 20-х годов, выкатил на сцену инвалидные коляски, надел пижамы и развесил одиночные лампочки, что стало уже обычным в современных постановках.

Кировский (или мы можем его назвать Мариинским, т. к. Ленинград сейчас возвращается к Санкт-Петербургу) играет «Хованщину» напрямую. Постановщик Леонид Баратов рассматривает ее как сутубо разговорную, без действия, оперу, чем она по сути и является. А декорация Федора Федоровского, созданные, по-видимому, задолго до его кончины 36 лет назад, сделаны по крепкому русскому шаблону. Василий Блаженный, богато разодетые стрельцы в князья, загородные поместья, интерьеры дворцов, монастыри — все это воспроизведено с большим тщанием.

Единственный серьезный недостаток — это то, что при бесконечной смене сцен в долгом, более 4,5 часов, спектакле теряется его драматическое напряжение.

Так как персонажам, кроме обсуждения религиозного раскола и судьбы России в период смуты начала XVII века, делать нечего, то статичные группировки и выстроенные фаланги хора находятся в полной гармонии, и это создает основу для превосходного пения, и не меньшей степени и самого хора.

Очень силен состав исполнителей главных ролей: Михаил Кит — лидер старообрядцев Досифей (знаменитая шаляпинская партия), Булат Минжилкиев — князь Иван Хованский и Ольга Бородина — Марфа. Алексей Стебликно в роли князя Василия Голицына довольствуется невыразительным заговорществом, но Владимир Галузин и Елена Прокина используют возможности для взрыва страстей в ролях князя Андрея Хованского и Эммы.

Надежны титры на английском, но освещение постоянно ужасное: ни рассвет в начале, ни сожжение в конце не производят заложенного в них впечатления, а в середине грубо стараются любые детали.

Но все компенсируется дирижером Валерием Гергиевым, который управляет партитурой (в оркестровке Шостаковича) с тонким пониманием оттенков. И в целом спектакль захватывает вас такой преданной отдачей эпическому музыкальному замыслу Мусоргского.

ДЖОФФРИ НОРРИС

(«ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ», 12 августа 1991 г.)

* * *

«Страстный» спектакль русских

Наш обозреватель фестиваля пишет о субботнем спектакле Кировской оперы в Плейхаузе: «Хованщина», опера Мусоргского о периоде волнений в XVII веке, все еще кажется актуальной для сегодняшней России.

Хотя сюжет оперы очень мрачный, при подъеме занавеса открывается почти что картина Брейгеля. Праздник цвета и оговорительные декорации радуют глаз.

Последующие сцены также помогли смягчить тяжелую тему. Все роли были исполнены в чисто русском духе — страстно, дисциплинированно, в то же время с полной сердечной отдачей.

Наиболее поразительны были женские голоса. Миниатюрная Эмма Елены Прокиной в первом акте оставила очень сильное впечатление, а Марфа Ольги Бородиной была и сильна, и нежна...

(«ДАЙЛИ КУРЬЕР ЭНД ЭДИНБЕЙЗЕР», 13 августа 1991 г.)

* * *

Кировская опера Ленинграда

В Кировскую Оперу обычно не ходят ради оркестра, но если у вас был билет во вторник на концерт музыки Мусоргского («Картинки с выставки» и сцены из его неоконченной комической оперы «Сорочинская ярмарка») то я уверена, именно звук оркестра, победоносно звенящий в ушах, вы унесли с собой.

Просто исполнение «Картинки» в оркестровке Горчакова с плотной, с привкусом земли, текстурой (в противовес более яркой — Равеля и совсем новой — Ашкенази) стало необыкновенно увлекательным и, я думаю, исключительным событием. Я никогда не слышала таких «Картинок» — захватывающих, напряженных, сыгранных с такой потрясающей единой самоотдачей. И таких действительно великих: замечательных мимолетности струнных, которые с благоговейной точностью откликались на четкие трепетные движения дирижерской палочки Валерия Гергиева с такой силой воздействия, что я не буду расписывать дальше. Вы и так поймете. Я была очень рада, что оркестр также присутствовал и при концертном исполнении «Сорочинской ярмарки». Не могу сказать, что меня потрясло пение. Оно напоминало манеру подвыпивших веселеньких крестьян, многие голоса звучали утрированно и смешно, и это навело на меня жуткую скуку.

А этот тенор, он перекатывал голосом как пьяный тромбон, ну, будем считать, ему не удалось окоплодать. Ох, я немного пришла в себя. Ведь все-таки Пидужников (Попович) и Шевченко (Парася) действительно пели, и хоры были безукоризненно исполнены.

Но всех превзошел оркестр.

ДЖЭНИС ГЭЛЛОУЭЙ

(«ГЛАЗГО ГЕРАЛЬД», 14 августа 1991 г.)

* * *

Кировская опера. Ашер Холл

Для большинства из нас Мусоргский — это «Картинки с выставки», «Ночь на Лысой Горе» и «Борис Годунов». Но многие, я думаю, знакомы со сценами из «Сорочинской ярмарки», основного произведения программы концерта, которым вчера открылся «сезон» Мусоргского на фестивале. В программе она названа яркой комической оперой, и, если музыка действительно была яркой, то, что касается комедии, мы должны поверить на слово. Поскольку опера исполнялась по-русски, то вызвали смех только действительно комические позы солистов.

Мне ближе было исполнение «Картинок с выставки», но не в известной оркестровке Равеля, а в оркестровке Сергея Горчакова, соотечественника композитора. Хорошо сыгранное под мастерским руководством Валерия Гергиева, оно было очень русским по характеру, полностью использовав все возможности оркестра. Были исполнены все знакомые части, но «Прогулки» — лучше всего, и они легко влились в ликование финала.

КРИС ХОРСФОЛЛ

(«ИВНИНГ НЬЮС», 14 августа 1991 г.)

Шедевр подлинности

Лучшего открытия программы музыкального фестиваля нельзя предвидеть: эпическая поэма, традиционная постановка шедевра, полная музыкальных открытий, с составом солистов удивительной вокальной силы, с потрясающим хором и с одним из самых изысканных оркестров, какие я когда-либо слышал в оперном театре.

Это была историческая драма Мусоргского «Хованщина», которой в субботу вечером Кировская Опера Ленинграда открыла музыкальную программу фестиваля этого года. Без сомнения, в ценностях постановки Кировского спектакля будут спорить. Она отнюдь не пост-модерновая. Где-нибудь на Западе кто-то будет проводить параллели (если это уже не сделано) между этим панорамным повествованием о России XVII века, с падением ее старого порядка, политическими интригами, сталкивающимися личными амбициями и живописными портретами народа,— и подъемом и изменением современной советской России.

К счастью, в Кировской постановке нет и следа такого толкования. Она крепко-бесстрастно-ровно-традиционна в оформлении и режиссуре. Великолепно исполненные знакомые виды Москвы ее здания с луковичными куполами, сверкающую реку. В прекрасных хоровых сценах народ представлен почти в виде «живых картин», а когда действие фокусируется на отдельных личностях, режиссура принуждает исполнителей оставаться строго в рамках общего, исторического контекста, в то время как в современной западной постановке от них бы требовалось больше действия, изображения. Таким образом, в постановке Кировского театра господствует обширное полотно Мусоргского о великой и неизбежной волне исторических перемен, и в ее неотразимом течении отдельные личности играют свои роли, но и поглощаются событиями.

И что это за полотно, что за музыка, возвращенная к жизни во всей своей сверкающей первозданности оркестровкой Шостаковича 1959 года. Непрерывный поток мелодии, полные призывы гармонии, неподластные законам времени. То, насколько подлинна эта постановка, поразительно показано даже в одном моменте оперы, моменте-перевертыше, когда кордебалет исполнил персидский танец, для которого Мусоргский написал музыку, сходную с типичными «экзотическими» Римского-Корсакова или Бородина, и она прозвучала как китч.

Спектакль, направляемый с большой элегантностью и мягкостью дирижером Валерием Гергиевым, был, поразительным. В не меньшей степени поразительно и неизменное качество солистов. Во всех этих прекрасно сочетающихся русских голосах нет слабого звена. Однако, исполнение некоторых из них было выдающимся, особенно предводитель раскольников Досифей, с огромной силой сыгранный звучным басом Михаила Кита, и Марфа, раскольница, музыка которой может растопить ваше сердце, и пела с огромным достоинством и сдержанностью великолепным меццо Ольгой Бородиной.

О безукоризненном ансамбле Кировского хора я могу сказать только то, что ничего лучшего я не слышал. Когда после своей замечательной сцены второго акта они вышли на поклон, то зал заревел от восторга. Что же касается оркестра — о, мой Бог, какая игра! Густые деревянные духовые, богатые и безупречно слитные струнные (с глубоким тортовым басовым звуком в основе). Для знатока оркестровой игры это незабываемое впечатление.

Это эпический вечер длиной в четыре с половиной часа, хотя этого и не чувствуется. Помогают и титры (хотя временами они спорадические, а занавес чрезмерно шумит). Сегодня вечером — еще один спектакль, исключительный показ великой работы и мощный аргумент в пользу того, что слава лучших русских композиторов XIX века продолжает расти.

МАЙКЛ ТЬЮМЕЛТИ

(«ГЛАЗГО ГЕРАЛЬД», 12 августа 1991 г.)